

Проехав пять конных полков, стоявших развернутым фронтом перед пехотными колоннами, Акинфов увидел Мюрата, разодетого в блиставшую золотом одежду и окруженного многочисленной свитой. Когда подъехал Акинфов, Мюрат приветствовал его, «приподняв свою шитую золотом с перьями шляпу и велел своей свите удалиться». «Что вы мне скажите, капитан?» - спросил он Акинфова, приблизившись к нему и положив руку на шею его лошади. Акинфов вручил ему письмо и передал поручение Милорадовича. Прочитав письмо, Мюрат отвечал: «Касательно больных и раненых излишне поручать их великодушную Французских войск: французы на пленных неприятелей не смотрят как на врагов. Что же касается до предложения генерала Милорадовича, то без приказаний императора Наполеона нельзя на них дать ответа». Немедленно затем Мюрат отправил Акинфова со своим адъютантом к императору; но едва они проехали несколько сот шагов, как Мюрат послал возвратить их назад. В то время как Мюрат принимал Акинфова, приехал ординарец Наполеона Гурго. Вероятно в следствие разговора с ним, Мюрат решился воротить назад нашего парламентаря. «Желая сохранить Москву, - сказал он возвратившемуся Акинфому, - я решаюсь согласиться на предложение генерала Милорадовича и пойду так тихо, как вам угодно, с тем только условием, чтобы мы могли сегодня же занять Москву». Когда Акинфов отвечал, что Милорадович будет согласен на это условие, Мюрат послал приказ всем передовым цепям остановиться и прекратить перестрелку. «Вы знаете Москву?» - спросил Мюрат Акинфова. «Я Московский уроженец» - отвечал Акинфов. «Так передайте жителям, чтобы они были совершенно покойны, что им не только не сделают никакого вреда, но и не возьмут с них контрибуции и всеми способами будут заботиться об их безопасности». Зная однако же, что со вступления Французов в пределы Смоленской губернии жители сел и городов удалялись из них и даже жгли свои дома, Мюрат прибавил: «Не оставлена ли Москва жителями и где граф Ростопчин?» «Я постоянно находился в арьергарде и участвовал в делах, поэтому ничего не знаю ни о Москве, ни о графе». На вопрос, где находятся император Александр и великий князь Константин, Акинфов точно также отозвался незнанием. Хотя очень довольный тем, что Мюрат задерживает его своими расспросами и тем дает возможность исполнить данное ему поручение, молодой офицер однако опасался, чтобы как-нибудь не проговориться в своих ответах. Мюрат сказал, что «он очень уважает Русского императора, а с великим князем даже дружен и очень сожалеет, что обстоятельства сложились так, что он должен воевать против них. «Много ли ваш полк потерял людей?» - спросил он Акинфова. «Можно ли не понести потерь, находясь почти ежедневно в сражениях!» - отвечал тот. «Тяжелая война», - заметил Мюрат. «Мы деремся за Отечество и

не примечаем тягости военной», - заметил Акинфов. Выводя своими расспросами молодого Русского офицера на то, не скажет ли он чего-нибудь, из чего можно бы заключить, что Русские войска утомлены войною и желают мира и, не достигнув своей цели, Мюрат резко сказал: «От чего не заключают мира?» и при этом прибавил по своей привычке (говорит Акинфов) солдатское выражение, неудобное, конечно, для печати. «Это должно быть известное вашему величеству», - отвечал Акинфов, - По моему мнению, ни одна из армий не разбита и ни одна не может похвалиться совершенною победою». Мюрат улыбнулся, сказав: «Пора мириться».

Отпуская нашего парламентаря, Мюрат снова уверял его, что приложит все средства к сохранению Москвы и уверял в уважении, которое питает к Милорадовичу. «Скажите ему, - говорил он, - что я согласился на его предложение единственно из уважения к нему». Нет сомнения, что Мюрат говорил правду, отзываясь лестно о Милорадовиче, военные доблести которого ему удалось уже испытать в деле у села Красного (29 Августа). Нельзя было найти лучшего соперника начальнику Французского авангарда, как Милорадович. Кроме безоглядной храбрости и боевой опытности, в характере Милорадовича было много сходного с Мюратом. Но, конечно, не из личного уважения к нему он согласился на его предложение: овладеть Москвою, а не ее развалинами, составляло последнюю, желанную цел Французских войск.

Акинфов отправился назад в сопровождении того же полковника конноегерского полка, который сопровождал его к генералу Себастиани и Мюрату. «Я ехал легким галопом, - говорит он, - а чтобы продлить более время, попросил позволить мне полюбоваться двумя Польскими гусарскими полками. Полковник согласился проехать со мною по фронту этих полков. Но, заметив, что я ехал тихо и что мы теряем много времени, он просил меня пустить лошадь в полный галоп. Я должен был исполнить его желание и, проехавши французскую цепь, приблизился к начальнику нашей цепи, лейб-гвардии казачьего полка полковнику Ефремову. Объявив ему, что Мюрат согласился тихо идти за нашими казаками, я поскакал к Милорадовичу» .

